

ИСТОРИЯ В ДНЕВНИКАХ ОЧЕВИДЦЕВ

Есть ли правда у войны?

Зная, сколько людей погибло во время Второй мировой войны, мы спустя более чем 60 лет совсем мало знаем о том, как люди во время этой войны жили...

В ОСНОВЕ спектакля “Русско-немецкий солдатский разговорник”, премьера которого состоялась в Берлине в театре Sophiensaele, два личных дневника. 5 лет (1941-1946) из жизни фронтовика, офицера-красноармейца Владимира Гельфанда, дошедшего до Берлина, и записки неизвестной молодой женщины, жительницы немецкой столицы, о захвате города в мае 1945 года. А структурирующим элементом текстового монтажа послужили два военных словаря: “Русско-немецкий солдатский разговорник”, изданный в СССР в 1941-м, и “Немецко-русский солдатский словарь” для солдат вермахта, того же года издания.

На эстетически обшарпанной театральной площадке - три девушки и три молодых человека. Над сценой - экран. Никаких декораций. Молодые люди вступают в диалог то на немецком, то на русском языках...

Режиссёр Аглая Романовская и драматург Елена Харламова представили берлин-

что у него уже были дневники о той войне. Но в те времена за них его бы просто посадили в тюрьму...

Так получилось, что он не дожидаясь пенсии. Умер в 1983 году. Заболевание мозга... Год он жил “не в себе”. Как-то раз ушёл из дома и не вернулся. Пропал. Через четыре дня его нашли - он сидел один на лавочке на проспекте. Маме сообщили, я тогда в армии служил... Его отправили в больницу, и через день он скончался. В 1985-м, разбирая его вещи, я нашёл массу фотографий, трамвайных билетов, записок от девушек, даже журнал боевых действий в Берлине, который он вёл с грифом “совершенно секретно”, и... дневники. Они были спрятаны в чемоданах, отец их никогда никому не показывал. Я прочитал и начал перепечатывать... Сначала на печатной машинке, позднее на компьютере. Правда, я опускал сексуальные моменты, потому что описания были слишком

Апрель 1945 года. Советские войска на улицах Берлина. Фото из британской энциклопедии World War II

Берлин. Шпрее. ...Огромный двухэтажный дом с роскошной мебелью, великолепной внутренней отделкой и росписью стен, потолка. Семья была многочисленной. Когда пришли наши солдаты, они всех вытеснили в подвал. А самую молодую из всех взрослых людей и самую, пожалуй, красивую забрали с собой и стали над ней глумиться.

- Они тыкали сюда, - объясняла красивая немка, задирая юбку, - всю ночь, и их было так много. Я была девушкой, - вздохнула она и заплакала. Они мне испортили молодость. Среди них были старые, прыщавые, и все лезли на меня, все тыкали. Их было не меньше двадцати, да, да, - и залилась слезами.

- Они насильовали при мне мою дочь, - вставила бедная мать, - они могут ещё прийти и снова насильовать мою девочку...

- Оставайся здесь, - вдруг бросилась ко мне девушка, - ты будешь со мной спать. Ты сможешь со мной делать всё, что захочешь, но только ты один!

интимными - так человек разговаривает только сам с собой... Всего получилось около 1000 листов.

Интересно, что там отец упоминал, что никогда не вернётся в Германию. А мы волей судьбы оказались здесь: эмигрировали в 1995-м - я, мой брат и мама с отчимом. Я побывал в тех местах в Берлине, которые описывал отец. Мы даже отыскали одну фабрику в районе Кепеник, на которой он работал, - совсем разрушенное здание, всё изрисованное граффити. Тяжело сказать, что я чувствовал.

Потом я начал обращаться в различные российские и украинские издательства. Был уверен, что дневники отца сразу опубликуют. Но меня спрашивали: “Ваш отец кто? Герой Советского Союза? Академик? Научная степень есть?” - “Нет.” - “Может, внучатый племянник Сталина или Брежнева?” - “Нет...” - “Извините, нам не интересно...” В 2005 г. в Германии в издательстве “Aufbau Verlag” дневники отца были опубликованы. Тогда-то редакция сверила текст, и выяснилось, что отсутствуют интимные эпизоды. И они все были включены в книгу. В

ощущения, что мы делаем историю лично кого-то. Поэтому я предложила трём актёрам и трём актрисам сыграть роли неизвестной берлинки и красноармейца. Состав актёров - смешанный, русско-немецкий. В постановке есть куски, которые играют на обоих языках, а есть монологи - например, Сталина, который произносится на русском без перевода...

Наши актёры часто плачут во время репетиций. От чистого сердца, потому что

04.02.1944. Константиновка. Идти невообразимо тяжело, стоять невообразимо холодно. В деревнях, избранных для нас, нас даже на чердаки не пускали. Промокли насквозь, к тому же изголодались.

В квартиры-чердаки полезли насильно, невзирая на плач хозяйек. С пищей кое-как перебились, выменяв на одеяла.

Три дня мы не видели хлеба во рту. Убили подстреленную немцами лошадку, добились умирающую кобылу, тоже раненную снарядом. Весь день ели конину и перебивались сырой кукурузой, а потом нашли в одном доме спрятанную картошку и тоже перекусили.

прошлом году книга вышла в Швеции, в 2007-м будет издана в России. Берлинская постановка мне больше чем понравилась. Игра актёров, как они это делают - замечательно и необычно...

Режиссёр Аглая Романовская: «Актёры часто плачут во время репетиций»

- КОГДА я в Германии разговаривала с бабушкой своей немецкой подруги, рассматривала фотографии её погибшего на фронте мужа, вдруг поняла, что трагедия у этих людей такая же, как и у нас... Мы родились близко к этой войне, мой дед тоже воевал.

В постановке мне хотелось растворить фигуру мужчины и женщины в нескольких актёрах, чтобы не было

оттого, что они чего-то не понимают... А я считаю, что нет смысла переводить ругань между солдатами. Важно не то, что человек говорит, а как он это делает... Русскую публику я знаю лучше, и российская версия спектакля (премьера состоится в Москве в марте) у нас несколько иная.

Я сама переехала в Швецию в 70-е годы, когда мне было 11 лет. (Моя мама вышла замуж за шведа, и мы уехали из Советского Союза.) У меня шведское гражданство, живу и работаю я в основном во Франции, но и в Москве тоже. У всех нас - детей эмигрантов - есть к себе один вопрос: кто мы, откуда? Я так долго себя искала... Помню, я в Швеции начала страдать лет с пятнадцати. Стала вдруг смотреть назад - так мне захотелось назад, в Москву. У меня вообще нет чувства дома. Поэтому мне иногда кажется: вся моя жизнь - это долгий возврат туда...

Актриса Юлия Возлюбленная: «Нужно переосмысление»

СКОРО премьера в Москве, а там за такой спектакль могут и “тёмную” за углом устроить... Потому что не услышим тот факт, что наши победители-освободители пришли в Берлин, и кто-то из них мародёрствовал или насильовал... Всё своё детство я слышала о том, что мы - герои, что наши дедушки - герои... На каждом шагу видела обелиски и пафос. Всё остальное было скрыто. Мне и самой нужно переосмысление, и я благодарна спектаклю за то, что это происходит.

Актёр Фёдор Степанов: «Навстречу друг другу через осколки изломанных судеб»

- Я ДНЕВНИК Гельфанда не прочитал - буквально проглотил. Когда-то, кем-то всё это было прожито... И в нём, и в дневнике неизвестной женщины описаны не только ужасы войны. Они и о том, как нам, людям, встретиться - через осколки клише, изломанных судеб... Существование в ролях “побе-

23.05.1944. Впервые за службу в Красной Армии мне посчастливилось получить посылку от мирных советских граждан: кусочек сала, печенье, бумага. Прислали жители Одессы. Ответил им письмом. Но, конечно, всего, что одесситы выслали, не было в посылке... Ясно, что мешочки или сумки, в которых посылались посылки, были распечатаны и половина (если не больше) содержимого в них украдена. С трудом удалось мне из девяти посылок сделать шесть более-менее приличных и передать бойцам. В одной из посылок была записка, в которой писалось о носках и платочках носовых, посланных бойцу. Ничего этого, конечно, не оказалось - одна бумага, конверты и мыло.

Заборцев у себя в роте подчищает что возможно, выгоняя из помещения бойцов, распечатывает и забирает ценности - платочки и зеркальца, расчёски, конфеты, спички, карандаши, туалетное мыло, зубные щётки и порошок, пасту и прочее, что ещё уцелело от тыловых грабителей. Жаловаться тоже нельзя и некуда.

Из дневников В. Н. Гельфанда, 1941-1946 гг.

их трогает то, что они делают. И мы плачем. Смотрим, как они играют, и как будто отпускает какую-то эмоцию, которую заклинило.

Меня удручает, что немцы пытаются понять спектакль “головой”. Как только они слышат чужой язык, у них сразу начинается паника

датель - побеждённый” оказывается абсолютно непродуктивным. У нас спектакль заканчивается вопросительным: “Есть ли ещё вопросы?”. Со сцены спрашивают: “Это всё или будет ещё?”. И этот вопрос остаётся открытым...

Ирина ПАРФЕНОВА, Берлин

Автор дневников - Владимир Гельфанд.

Фото из архива Виталия Гельфанда

ской публике свою версию правды о войне. На премьеру пришли жена того самого красноармейца Бела Гельфанда и сын Виталий, благодаря которому дневники были опубликованы.

Виталий Гельфанд: «Ваш отец кто? Герой Советского Союза?»

- ОТЕЦ добровольцем ушёл на фронт, ему было тогда 19. Через всю войну он дошёл до Берлина. Затем, вернувшись в Днепрпетровск, закончил университет и женился. Работал учителем истории и обществоведения в ПТУ. Родители жили скромно (мама тоже была учительницей), всем были довольны. Отец много работал, писал стихи, публиковал статьи в газетах. Он мечтал быть писателем и часто говорил: “Вот выйду на пенсию и тогда напишу книгу о войне...”. Я тогда не знал,